

репарационное оборудование сыграло роль своеобразного «стартового капитала» на начальном этапе восстановления данного предприятия. Оно позволило в кратчайшие сроки преступить к выпуску готовой продукции. Однако наряду с положительной стороной данного вопроса имели место факты поступления некомплектного иморально устаревшего репарационного оборудования. Вместе с тем использование в ходе восстановления Оршанского льнокомбината, а также других промышленных предприятий БССР пусть и частично изношенного, устаревшего, но работоспособного, а в некоторых случаях и относительно высокотехнологичного репарационного оборудования способствовало не только ускорению восстановление, разрушеннойвойной отечественной промышленности, но и способствовало дальнейшему ее развитию с последующим превращением Беларуси в один из наиболее промышленно развитых регионов СССР.

1. Зональный государственный архив в г. Орше (ЗГАО). – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 9.
2. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 34.
3. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 98.
4. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 105.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 58.
6. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1048.

ПОСЛЕВОЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ШАРКОВЩИНЫ

А.В. Губский, Е.В. Сумко (Полоцк, Беларусь)

В тексте представлены результаты исследования, проведённого на территории Шарковщинского района Витебской области. В межвоенный период эта территория входила в состав Польской республики. Воспоминания о послевоенной действительности жителей Шарковщины имеют свою специфику. Возвращение к мирной жизни проходило на фоне не только преодоления послевоенной разрухи, но и продолжающейся советизации региона. Воспоминания содержат не подробный линейный рассказ, а эпизоды, сильнее всего повлиявшие на жизнь рассказчика (преимущественно интервьюируемые родились в конце 1920-х – 1930-х годах). Особое место в этих воспоминаниях занимает коллективизация, которая коренным образом изменила уклад жизни людей. Сюжеты о послевоенной коллективизации позволяют детализировать события, которые происходили в Шарковщине в тот период.

Шарковщина была освобождена в начале июля 1944 года в ходе Полоцкой операции. За годы оккупации в Шарковщинском районе погибло 2 027 мирных жителей, уничтожено 23 деревни [7, с. 198]. Сразу после освобождения района от нацистских войск жители приступили к восстановительным работам: «Калі кончылася вайна, тыя хто застаўся ў жывых сталі вяртакца на сваі папялішчы: хто з лесу, а хто з фронту. За гады тры-чатыры пабудавалі хаты, свірны, нагадавалі жывёлы» [3]. С 1944 по 1949 год, в условиях послевоенной разрухи, власти не форсировали политику коллективизации и основой сельского хозяйства в регионе были единоличные хозяйства. Постепенно возрождалась советскаяластная вертикаль. В район направлялись специалисты разных уровней со всей республики. На руководящие должности преимущественно выдвигались местные активисты, бывшие партизаны и подпольщики. Кадровые назначения того времени среди населения отложились в памяти следующим образом: «Ставілі председателем калхоза не таго ў каго 100 га зямлі, 4 коней, каровы, а ставілі пастуха, які не мог каня запрагчы. Ну, а тады сталі з Вастока прыязжаць» [3].

В феврале 1949 года XIX съезд КПБ взял курс на проведение сплошной коллективизации в Западной Беларуси. Воспоминания жителей Шарковщины свидетельствуют, о том, что ускоренная послевоенная коллективизация для большинства была очень болезненной. По рассказам, в первую очередь, в колхозы вступали малоземельные или безземельные крестьяне. Например, Батурунок Гордей Владимирович, житель деревни Жуковщина, вспоминал, что люди, у которых была земля, не хотели добровольно вступать в колхозы. Созданию колхозов, как правило, предшествовала агитационно-пропагандистская работа, направленная на убеждение крестьян в преимуществах коллективного хозяйства перед индивидуальным: «Собирали в одном доме вечерами, часто в присутствии прокурора или участкового, и рассказывали про “счастливую” жизнь в колхозе. Говорили, что заберут землю у богатых в колхоз и всем будет жить хорошо». Если это не действовало, то затем переходили к угрозам конфисковать имущество и сослать на дальний Восток. «Вскоре сделали землю общей, оставили только несколько соток огорода. Все хозяйственное имущество забрали: упряжку, колёса, инвентарь, коней и зерно. Оставили только немного на посев и разрешили последний раз убрать с поля урожай. Мелкую живность не забирали: кур, уток, коз, овец» [1].

Воспоминания фиксируют факт того, что принцип добровольности при организации колхозов не всегда обеспечивался: «Вот пришёл приказ сверху, о том, чтобы создавать колхозы. Приказ был таков - в первую очередь отдать коней. Лишние постройки забрать. Так же отнимали скотину. Если было 2 коровы, забирали одну. Нужно было сдать зерна столько, сколько имеешь земли. Мы зерно отдавали, но часть родители прятали, закапывали в землю, чтоб кормить нас, детей (5 штук)» [4].

К 1950 году в Шарковинском районе насчитывалось 100 колхозов и один совхоз. В средствах массовой информации говорили о процветающем сельском хозяйстве, об увеличивающемся благосостоянии людей. Однако реальная жизнь того времени была очень тяжелой, крестьяне были фактически бесправными, не имели паспортов, а за свой тяжелый труд получали трудодни. “Каліктывізацыя… Забралі ў мужыка ўсё. Забралі прыгожых каней, запраж, плугі, бароны, машины малатарныя. Аставілі мужыку толькі хату з 4 вугламі з куском зямлі, за якую не зналі якіх падаткаў яшчэ не плаціць.. Пустыя працадні быті. Мама помню палкай лён прала ў начную змену. Трэба было ці 250, ці 500 жмень абабіць льна за трудадзень. А як прышла пара заробак палучаць, мама атрымала 50 кг. вярслятучкі. За год ні рубля, ні капейкі – нічога не далі. Гэтак жылі” [3].

В воспоминаниях жителей Шарковщины часто фигурирует личность председателя или бригадира. В традиционной картине света сельских жителей представители власти ассоциировались с принудительными, наказательными мерами. В колхозах крестьяне фактически находились в полной зависимости от колхозного руководства. Пурвин Мария Иосифовна, вспоминала, что однажды она с подругами протанцевала в сельском клубе до утра и сразу пошла на работу – на прополку бураков. Однако усталость взяла свое и они заснули прямая на поле. Прискакал бригадир на коне и стал «нас плеццю дубасіць без жаласці. У мяне было ўсё ліцо іспаласавана і на целе быті крававыя палосы» [3]. Нарушение дисциплины в колхозе каралось строго и, иной раз, принимало форму глумления над личностью крестьянина. Тот же бригадир, о котором упоминалось выше, однажды за то, что досрочно выполнив работу, колхозники решили разойтись по домам, заставил их одеть хомут на шею и бегать вокруг сарая [3].

Содержание устных рассказов свидетельствует о том, что председатель колхоза оценивался в зависимости от того, какую позицию в те годы занимала семья и наличия соседско-родственных связей. Не последнюю роль играл характер человека. Например, Гордей Владимирович Батурунок вспоминал о первом председателе колхоза “Искра”, который постоянно боялся, что его расстреляют за невыполнение какого-либо приказа или задания: «поэтому ночевал в сарае. Боялся он советских людей, служивших в НКВД, тогда они отвечали за порядок в государстве» [1]. Медведко Анна Ивановна из деревни Радюки (1930 года рождения) вспоминала о злоупотреблениях представителей власти: «председателю колхоза давался план: сколько нужно собрать с крестьян различного типа продуктов. Он старался план выполнить, а всё “лишнее” забирали себе» [5].

Трагичной страницей в рамках коллективизации был процесс раскулачивания, что нашло отражение в воспоминаниях жителей Шарковщины. В результате раскулачивания пострадали наиболее дееспособные группы населения, что стало причиной социального и психологического дисбаланса. Мария Иосифовна Пурвин, подробно вспоминала о событиях выселения одной зажиточной семьи из деревни Йоды: “Быў адзін чалавек… Было ў яго 5 кароў, 4 коней, 2 сабакі, дом хароши, 100 га зямлі мелі. Ну, яны чувствавалі, што вывязуць скора іх, бо багатыя былі” [3]. Далее из рассказа следовало, что зимой за ними пришёл глава сельсовета и приказал собираться со словами: «Сабірайцеся, паедце багацець». Сказали, что их повезут на рудники в центральную часть Сибири. В Шарковщине семью посадили на поезд, в вагон для скота и они там были не одни. Ехали они в течение 3 суток, затем поезд остановился и их высадили в лесу: «Вот выгружайтесь тут, размнажайтесь і багацейте. Ну, што ж злезлі, снег кругом, тапор узялі, лапату узялі. Было ў мужыка 4 дачкі і 2 сыны. Во, якая семья была! Моцныя людзі. Ну, тады яны выкопалі яму, насеклі лапак, насуvalі ў яму і так вот нач пераначавалі. Тады на заўтра сталі капаць бальшы траншэй, сталі пілаваць броўны, закладавалі ў зруб, потым падлогу палажылі. Сталі жыць. Тады, дзе там яны хадзілі па лесе, учулі звук поезда, ну і давай на гэты звук ісці. Дашлі да нейкага гарадзішка і там абаснаваліся». Прожили они там до 1967 года, а затем, после реабилитации, вернулись домой [3].

Бывали случаи, что раскулачивали не только зажиточных крестьян, но тех, кто к этой категории не относился. Например, Журавская Нина Владимировна, 1922 года рождения, вспоминала, что до 1939 года их семья жила у пана в доме. В 1939 г., после того, как пришла советская власть помещики уехали в Польшу, а они остались: «Я ішла як безземельная, не было у мяне сваёй зямлі, у панской хаце жылі. Жыло нас 11 душ у хаце». Путаница с распределением земли и факт проживания в панском доме – послужило основанием для определения их к категории кулаков. Однако этот случай примечательный тем, что семья Нины Владимирыны попыталася найти выход из сложившейся ситуации и, обратившись за помощью к местному учителю русского языка, написали жалобу в Минск. Была проведена проверка: “Прыехалі з Мінска на меснае дазнанне, а тут жа свой жулік, свой чалавек, актівіст у сельсавеце, які на нас казаў дрэнна, а гэты з Мінска сказаў, што ў сельсавеце нарушаюць парадак савецкай улады. Прыоказалі раёну нам усё вярнуць” [2]. Сначала сельсовет предложил вернуть деньги за конфискованную скотину, однако семья отказалась от этого варианта. В результате им предложили следующее: “ну, і гэта назначаюць: “ідзіце бярыце”. Нам усе роўна наша не аддалі, у людзей нейкіх забралі і нам аддалі. Далі карову” [2].

В воспоминаниях всплывают сюжеты, связанные с применением репрессивных мер за посягательство на колхозную собственность, которое считалось тягчайшим правонарушением. Например, Шестакевич Мария Антоновна, отвечая на вопрос интервьюера, вспомнила случай, как две женщины воровали снопы пшеницы с колхозного поля, чтобы прокормить семью и за это их осудили на 7 лет лагерей.

Неприятие коллективизации вызывало недовольство советской властью. Формы протеста были разные. Например, обливали краской памятники Ленина, дома партийных работников. Некоторые жители в знак протеста уходили в лес и пополняли отряды вооруженных групп, которые скрывались в первые послевоенные годы в лесах. В Шарковщинском районе самой опасной была банда Мурзича, которая состояла из 12 человек. Действовала она на территории совхоза имени Маркова. Банда занималась грабежами и убийствами. Борьбу с ними вели отряды милиции и специально организованные отряды. По воспоминаниям непосредственного участника в поимке одной из банд, Алексея Лукьяновича Танконога (1930 года рождения), вторая половина 1940-х гг. была очень неспокойной и не обходилось без жертв: «В деревне Рабартова в доме Стаскевича от рук бандитов погиб начальник районного отдела милиции Судаков, в деревне Ручай – секретарь райисполкома Третьяков. Бандиты расстреляли лейтенанта Ганюшина из военкомата, первого председателя Воронковского сельсовета [6].

Воспоминания жителей Шарковщины о коллективизации, раскулачивании, стратегии выживания в новых условиях предоставляют уникальную возможность создать многообразное представление о событиях, которые происходили в послевоенные годы и недостаточно раскрыты в современной историографии. Ценность, и одновременно сложность, этих источников предопределяется особенностями их происхождения, поскольку они принадлежат конкретному автору и отражают непосредственное восприятие им окружающего мира, исторических событий и явлений.

1. Записал Губский Антон Валентинович от Батурунок Гордяя Владимировича, 1935 года рождения. Деревня Жуковщина, Витебская обл. 2016 г.
2. Записал Губский Антон Валентинович от Журавской Нины Владимировны, 1922 года рождения. Деревня Саварына., Шарковщинский район. Витебская обл. 2017 г.
3. Записал Губский Антон Валентинович от Пурвин Марии Иосифовны. 1935 года рождения. Деревня Рудобесть, Витебская обл. 2016 г.
4. Записал Губский Антон Валентинович от Шестакевич Марии Антоновны. 1929 года рождения. Деревня Германовичи, Витебская обл. 2016 г.
5. Записала Жуковская Татьяна Николаевна от Медведко Анны Иоановны, 1932 г.р. Г.п. Шарковщина, 2008 г.
6. Записала Лобачевская Юлия Андреевна от Тонконог Алексея Юрьевича, 1925 года рождения. Деревня Германовичи, 2016.
7. Шаркаўшчынскі раён // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн.2: Усевя-Яшын; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2013. – С.616.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В БССР В 1944–1950 ГГ.

О.Ю. Лесная (Витебск, Беларусь)

За время Великой Отечественной войны были полностью уничтожены музейные здания, экспонаты и архивы областных историко-краеведческих музеев в Могилеве, Гомеле, Лиде, районного краеведческого музея в Орше [4, д. 52, л. 5]. Уцелели, но оказались повреждены, здания Минского, Витебского, Пинского, Бобруйского, Брестского и Гродненского музеев [4, д. 26, л. 33]. После победы в Великой Отечественной войне перед государством стала задача по восстановлению музеев и музейной сети республики.

Целью данного исследования стали процессы восстановления и направления деятельности краеведческих музеев БССР в 1944–1950 гг.

Исследование основано на архивных материалах фонда партархива Института истории партии при ЦК КПБ, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, фонда учреждений и организаций культуры, искусства, печати, СМИ, хранящихся в Государственном архиве Витебской области.

В довоенное время музейная сеть БССР насчитывала 25 музеев (1941 г.), из которых 15 были краеведческого профиля: 8 музеев имели статус областных историко-краеведческих музеев (в Минске, Могилеве, Гомеле, Витебске, Лиде (Барановичский областной музей), Пинске, Бресте и Гродно) и 7 – районных краеведческих музеев (в Бобруйске, Борисове, Орше, Полоцке, Турове, Слониме и Волковыске) [4, д. 52, л. 5]. Некоторые музеи находились еще в стадии организации (Брестский, Оршанский, Полоцкий и Борисовский) [4, д. 26, л. 33].

Работы по восстановлению довоенной сети музеев начались весной 1944 г. с возрождения областных краеведческих музеев. Согласно решению Гомельского облисполкома и обкома КП(б)Б в марте начал свою работу Гомельский историко-краеведческий музей, решением бюро Могилевского обкома КП(б)Б в июне возобновил деятельность музей в Могилеве, постановлением Витебского облисполкома в июле приступил к восстановительным работам музей в Витебске [4, д. 26, л. 33, 60].

Большая часть работ по восстановлению музейной сети пришлась на 1945 и последующие годы. В планах было восстановление Пинского, Брестского и Гродненского областных историко-краеведческих музеев. Затем было намечено восстановление Бобруйского областного историко-краеведческого музея, во втором квартале – Барановичского, Полоцкого, Полесского областных историко-краеведческих музеев, в третьем квартале – районные краеведческие музеи в Борисове, Турове, Слониме и Волковыске [4, д. 52, л. 6-7].